

Еще одна группа лексем состоит из синонимов со значением ‘громкий, пронзительный крик’. В эту группу также входят такие контексты, как «*Стонал* сквозь стиснутые зубы» [Набоков 2006: 93]; «*Подвывает* у меня в объятиях» [Набоков 2006: 70], потому что имеют семантику ‘издавать протяжные жалобные громкие звуки’. Главное слово в данной группе – *визг*. Именно это слово окружает некоторые нейтральные слова, переводя их из разряда нейтральных в разряд громких, например, *визгливо* сказала, *визгливо* перебила.

Последняя группа обозначений звуков состоит из лексем, имеющих значение максимальной громкости. В частности, это глаголы *заорал*, *разыграть истерику*, *отчаянно ревет*, *продолжала верещать*, *неистово орать*. Самая «громкая» из этих лексем, несомненно, *неистово орать*, где наречие усиливает значение глагола, доводя свойство громкости до максимальной степени. Как видим, окружение играет важную роль в формировании смысла, придавая слову эмоционально-экспрессивное и оценочное значение.

В заключение подчеркнем: речевая художественно-образная конкретизация проявляется в том, что самые обычные «нейтральные» в общезыковом плане элементы языка становятся важнейшим средством выражения эстетического смысла и создания специфического пространства художественного произведения.

### Список литературы

- Кожина М.П.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М.П. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1966. – 211 с.  
*Набоков В.* Лолита / Владимир Набоков. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 454 с.

## ТЕРМИНОЛОГИЯ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ» КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Е.И. Асташина*

*Научный руководитель: А.Л. Голованевский,  
доктор филологических наук, профессор (БрГУ)*

Наука – сугубо узкопредметный особый вид познавательной деятельности по созданию «систематизированного образа части реальности, ориентированному на выявление ее общих свойств» [Кузнецов 2005: 347]. Взаимодействуя, отрасли научной деятельности остаются, однако, достаточно автономными гносеологическими областями в их предметно-атрибутивной, мировоззренческой и методологической ориентации. Но, начиная с последних десятилетий прошлого века, в пространстве антропоцентрической парадигмы

лингвистических наук происходит формирование понимания языка как первостепенного мыслительного инструмента репрезентации мира во всех его гранях – как «гуманитарных», так и «естественных». Язык начинает мыслиться как «средоточие человеческой сути» [Алефиренко 2005: 5] и фокус разнонаправленных эпистемологических потоков. Вполне объяснима интенсивность внимания других наук (психологии, нейрофизиологии, когнитологии, социологии, культурологии и т.д.) к лингвистике и наоборот. Такое широкомасштабное междисциплинарное общение, имеющее свои истоки на рубеже XIX-XX столетий, обретает внушительные размеры, становясь ранее невиданной общенаучной матрицей. И язык в ней – главный преобразователь.

Роман Е.И. Замятина «Мы» (1920) в этом отношении представляет замечательный лингвистический источник для обозначенной выше междисциплинарной общенаучной матрицы.

С первых строк романа очевидна одна из главных стилевых особенностей языка произведения – интенсивная частотность авторского употребления математических терминов (алгебраических и геометрических), на протяжении всего текста дополненных физическими, химическими терминами, а также техницизмами. Воздействие на читателя многоотраслевой терминологией в пространстве художественного произведения стало яркой демонстрацией гибкости, бездонности и непредсказуемости потенциала естественного языка как сложнейшего и подчас необъяснимого бытийного новообразования, достойного быть объектом совместного исследования различных наук.

При прочтении романа выясняется причина многочисленных употреблений терминов. Роман представляет собой записи убежденного математика-инженера, физика-философа Д-503, и научная терминология осознается здесь как неотъемлемый атрибут языковой личности исследователя в области естественно-математических наук. С появлением и развитием когнитивной лингвистики детерминированность лексикона отдельного человека его психофизиологическими особенностями не вызывает удивления. (Поразительна прозорливость мысли Е.И. Замятина, предсказавшего научную парадигму исследования языка задолго до ее официального признания.) Для нас представляет особый интерес форма существования этих терминов, т.е. детерминологизованность, заключающаяся в их употреблении во вненаучном контексте, где «термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики» [Ярцева 1990: 508-509]. Заметим при этом, что возможность детерминологизации обусловлена в романе, во-первых, философичностью мышления Замятина, позволившей ему сопоставить понятия специализированных областей знаний с объектами «универсальных» областей человеческой

действительности; во-вторых, способностью языка поддерживать и углублять такие сопоставления в процессе их метафорического переосмысления.

Так, математический термин *уравнение* ‘запись в форме равенства задачи об отыскании значений аргументов, при которых значения двух данных функций равны’ [Микиша, Орлов 1989: 151] во нематематических общепhilosophических контекстах *бесконечное уравнение Вселенной* [Замятин 1990: 28], *изумительные их [вещей] уравнения – видишь в чем-нибудь таком самом привычном, ежедневном* [Замятин 1990: 30], *исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения – линии мебели* [Замятин 1990: 45] метафоризируется в загадочную, но познаваемую, точнее, вычисляемую суть вещей, объектов бытия, на основе сем ‘задачи’, ‘об отыскании’, ‘значений’ [МАС, т. 4: 521]. Термин *формула* ‘символическая запись, состоящая из цифр, букв и специальных знаков, расположенный в определенном порядке, и являющийся носителем информации’ [Микиша, Орлов 1989: 159] в контекстах *о только что установленной мною формуле, куда входили и мы все, и машины, и танец* [Замятин 1990: 31], *и для этих часов мы найдем место в общей формуле* [Замятин 1990: 36] трансформируется в понятие системно-упорядоченной, математически точной организации знаний об отдельных областях действительности и бытия в целом на основе сем ‘расположенный в определенном порядке’, ‘являющийся носителем информации’ [МАС, т. 4: 579]. При этом каждая терминологическая дефиниция отмеченных понятий – один из производных ЛСВ общеупотребительных многозначных слов. Химический термин *диссоциация* ‘процесс распада молекул на несколько более простых частиц-молекул, атомов, радикалов или ионов’ [Дубичинский 2006: 86] в тексте *...да, диссоциация материи, да, расщепление атомов человеческого тела...* [Замятин 1990: 58] воспринимается как эвфемизм, заменяющий слова *казнь* или *предание смерти*. Слово *отдистиллированный* (*я спустился вниз начисто отдистиллированный, прозрачный* [Замятин 1990: 59]) – образно-оценочная метафора, порожденная детерминологизацией термина *дистилляция* ‘разделение жидких смесей на фракции различных составов ...путем их частичного испарения с последующей конденсацией образовавшихся паров’ [Дубичинский 2006: 88] и характеризующая состояние стерильной очищенности, абсолютной свободы сознания, отделенного от лишнего, греховного, ложного. Интересен и очень информативен ометафоризованный химический термин *кристаллизация* в контексте романа *даже у нас процесс отвердения, кристаллизации жизни еще не закончился, до идеала – еще несколько ступеней* [Замятин 1990:

59]: если кристаллизация – ‘процесс образования кристаллов’, где кристалл – ‘твердое тело, ...имеющее естественную форму правильного многогранника’ [Дубичинский 2006: 141], то тогда идеал сознания мы видим как результат кристаллически-точной стабилизации жизни в нем – абсолютная равновеликость и статичная симметрия.

Физические понятия *планета* ‘1. Большое небесное тело, движущееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом’ [МАС, т. 3: 184], *орбита* ‘1. Астр. Путь движения небесного тела в космическом пространстве относительно какого-л. другого небесного тела, колебания’ [МАС. т. 2: 871], *тело* ‘1. Физ. Материя, вещество, заполняющие определенную часть пространства; отдельный предмет в пространстве || Мат. Часть пространства, ограниченная со всех сторон’ [МАС, т. 4: 477-478], *энергия* ‘1. Общая количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи || Способность производить какую-либо работу или быть источником силы, которая может производить работу’ [МАС, т. 4: 1044] уже давно стали общеупотребительным языковым достоянием, о чем свидетельствуют их дефиниции, зафиксированные в нормативном толковом словаре современного русского литературного языка: эти слова иноязычного происхождения вошли в русский язык с первичной терминологической функциональностью, однако со временем, войдя в общелитературное употребление, в нетерминологичное поле, детерминологизовались и образовали новые значения, ставшие лексико-семантическими вариантами многозначных слов. В тексте рассматриваемого романа перечисленные и другие подобные термины стали развернутыми образно-эмоциональными метафорами: *Я отстегнулся от земли и самостоятельной планетой, неистово вращаясь, понесся вниз, вниз – по какой-то невычисленной орбите...* [Замятин 1990: 64], *яркие такты – спектральный анализ планет* [Замятин 1990: 40]; *...в мозгу – какое-то инородное тело - ...нельзя о нем забыть ни на секунду* [Замятин 1990: 49]; *Какая нелепая, нерасчетливая трата человеческой энергии* [Замятин 1990: 49]. В первом примере кроме метафорического содержания присутствует символический намек: пространственно-геометрическая противопоставленность «верх-низ» в человеческой культуре оборачивается дихотомией «жизнь-смерть», «преступление-наказание»; так, герой Замятина, называющий себя «преступником, отравленным», которому «гореть, метаться, отыскивать уголок, куда бы спрятать глаза» [Замятин 1990: 79], сравнивает себя с планетой, движущейся по странной, вертикальной орбите.

В романе целые математические тексты вплетаются в ткань художественного произведения и по сути становятся на грани математических правил и развернутых метафор: *блаженство и зависть* –

*это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем* [Замятин 1990: 41]; *знаменатель дроби счастья приведен к нулю – дробь превращается в великолепную бесконечность* [Замятин 1990: 42]; *разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой* [Замятин 1990: 31]; *у ней [О-90] неправильно рассчитана скорость языка, секундная скорость языка должна быть всегда немного меньше секундной скорости мысли, а уж никак не наоборот* [Замятин 1990: 33] (последний пример напоминает о вечной дискуссии о первичности языка и мышления; очевидно, для Замятина мысль первична, как оно и есть на самом деле). Более того, данные синтаксические конструкции являются не просто развернутыми метафорами, а метафорами-выражениями, своеобразными афоризмами нового типа, основанными на математическом языке и приближающимися к формулам.

Термины *числитель, знаменатель, дробь, касательная, асимптота*<sup>1</sup> детерминологизуются только условиями нематематического контекста, наполняющего их метафорической игрой смыслов. Однако в процессе анализа терминов *кривая-прямая* и *скорость* ход рассуждений по аналогии с предыдущим сломался: известно, что данные слова многозначны, и в романе употребляются вовсе не в математических значениях, а в совокупности сем различных общелитературных ЛСВ. Так, *прямая* для жителей Единого государства – графический образ очевидной и одновременно абсолютной истины, своим существованием исключая сомнение, искания, ошибки, своего рода изломы логической мысли; *кривая* – ошибка, ложь, но и пугающая неизвестность, неопределенность, логический сдвиг, а также альтернативное и необычное, эмоциональное, иррациональное. Все, связанное с душевным, психическим, ломается, движется по кривой: *...увидел в зеркале исковерканную прыгающую прямую бровей* [Замятин 1990: 67], *Я просто вот видел глазами этот смех: звонкую, крутую, гибко-упругую, как хлыст, кривую этого смеха* [Замятин 1990: 47]. Рядом с образом кривой не раз возникает его контекстуальный синоним – *синусоида* ‘периодическая кривая с периодом  $2\pi$ , симметричная относительно начала координат’ [Микиша, Орлов 1989: 126]: *Ночь была мучительна. Кровать подо мною подымалась, опускалась и вновь подымалась – плыла по синусоиде* [Замятин 1990: 64], *В глазах у меня – рябь, тысячи синусоид, письмо прыгает* [Замятин 1990: 93]. Когнитивные метафоры возникли на основе синтеза визуальных характеристик внешнего образа алгебраических

<sup>1</sup> В «Толковом математическом словаре» А.М. Микиша, В.Б. Орлова приводятся определения каждой из рассматриваемых терминологических единиц. Мы не будем здесь отмечать значения общеизвестных терминов типа *числитель, знаменатель, дробь* и др., остановимся на их художественной интерпретации в романе Замятина.

графиков, но нематематических сем ‘без изгибов’, ‘идуший напрямик’, ‘обеспечивающий непосредственную связь’, ‘непосредственный’, ‘правдивый’, ‘правильный’, ‘откровенный’, ‘явный’, ‘очевидный’, ‘буквальный’ и ‘изогнутый’, ‘несправедливый’, ‘неправильный’, ‘ложный’ [МАС, т. 3: 740-741; т. 2: 169-170]. Данные и подобные понятия в ряду других терминологических единиц и в силу словесной памяти воспринимаются как термины, но понимаются всеми, не только математиками, благодаря универсальному содержательному наполнению, хотя и подвергнутому метафоризации. Так, если слова *производная* и *среднее арифметическое* в их математических значениях [см.: Микиша, Орлов 1989: 106, 132] в контексте художественного произведения были бы маловразумительными, то общелитературные соответствующие значения ‘1. Произведенный, образованный от чего-л. другого’ [МАС, т. 3: 661] и ‘3. Ни хороший, ни плохой, ничем не выдающийся, рядовой, посредственный’ [МАС, т. 4: 329], реализуемые в контекстах *производная от нашей жизни* [Замятин 1990: 29], *Мы – счастливейшее среднее арифметическое* [Замятин 1990: 55], не только свободно воспринимаются читателем, но и участвуют в концептуальном и художественном построении романа.

Упоминаемое выше слово *скорость* преподносится как физический термин ‘в механике, одна из осн. кинематич. характеристик движения точки’ [Прохоров 1984: 691], однако обозначает ‘степень быстроты движения, совершения какого-л. действия, протекания какого-л. процесса и т.п.’ [МАС, т. 4: 164-165]. Так же воспринимается слово *икс* (в улыбке у ней был все время этот раздражающий икс [Замятин 1990: 45], я думал, что все уже распуталось, найдены все иксы – в моем уравнении появились новые неизвестные [Замятин 1990: 84]): под его «математической оболочкой» неизвестной, но вычислимой величины содержится «психологическое» значение чего-то неведомого, непонятного и непонятого.

Слово *сумма* (*сумма человеческих жизней* [Замятин 1990: 36], *сумма внешних благ* [Замятин 1990: 42]) употребляется в более широком и распространенном общелитературном значении ‘общее количество, совокупность чего-л.’ в сравнении с математическим пониманием данного слова как результат сложения лишь математических величин [Микиша, Орлов 1989: 134-135]. То же можно сказать о физическом термине *равнодействующая* (*равнодействующая сотен тысяч вольт* [Замятин 1990: 58]), обозначающем здесь не столько эквивалент системы сил, действующих на материальное тело [Прохоров 1984: 602], сколько все то, что оказывает «такое же, одинаковое действие» [МАС, т. 3: 774].

Описанный хитроумный обман автора и отличного стилиста назовем

ложной детерминологизацией, определим ее как контекстуальную замену специального ЛСВ многозначного слова общеупотребительным и более широким в смысловом плане ЛСВ в целях научной стилизации и отметим ее роль: Е.И. Замятин увидел художественно-стилевую ценность привлечения общеизвестных терминов в процесс создания художественного произведения, представляющего собой психологический анализ существования и нерадостных перспектив общества, ценностно ориентированного в политике и социальном строении на рационализацию не просто жизни, но и мышления, сознания, «души»; расширение терминов, произошедшее по законам языка или автора, дополняется ложной детерминологизацией узкоспециальных лексико-семантических вариантов многозначных слов, которая усугубляет стилизацию под актуальный для реализации смысловых замыслов автора научный тон мышления и изложения мыслей.

Кроме рассмотренных геометрических терминов *касательная*, *асимптота*, *кривая*, *прямая*, в романе встречаются термины, обозначающие геометрические фигуры: *божественные параллелепипеды прозрачных жилищ* [Замятин 1990: 31], *О, совсем другая, вся из окружностей* [Замятин 1990: 32], *круглые, гладкие шары голов плыли мимо* [Замятин 1990: 52], *Площадь Куба* [Замятин 1990: 56], *оно [лицо Благодетеля] ограничено строгими, величественными, квадратными очертаниями* [Замятин 1990: 57], *темные брови – острый насмешливый треугольник* [Замятин 1990: 61]. Детерминологизованные понятия *параллелепипед*, *окружность*, *шар*, *куб*, *квадрат*, *треугольник* выступают в романе как образно-оценочные метафоры, основанные на сходстве очертаний геометрических плоскостных и объемных фигур и реалий человеческой действительности, подобно тому как образовались метафоры в вышеописанных алгебраических терминах-названиях графиков алгебраических функций. На визуальном образе математического графика построена также образно-оценочная метафора *парабола* в контексте *я вижу соседа: над книгой – его шишковатая, вся в кочках, лысина и лоб – огромная, желтая парабола* [Замятин 1990: 75].

Техницизмы (технизм – «узкоспециальный термин в области техники» [Розенталь, Теленкова 1976: 357]) *станки*, *регуляторы*, *мотыли*, *балансир*, *долото* [Замятин 1990: 30], *двигатель* [Замятин 1990: 34], *аккумуляторная башня* [Замятин 1990: 33] и другие, получившие также частотное использование в романе, участвуют в научной стилизации и обогащении художественности романа за счет олицетворения и персонификации. Отдельно отметим логико-техническую когнитивную метафору *логический маховик* (*во мне гудел логический маховик* [Замятин 1990: 31]) и портретную техническую образно-оценочную метафору

*буравчик (и сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже* [Замятин 1990: 50]). Первая метафора, называющая интеллектуальную деятельность, основана на синтезе образа функционирования махового колеса и характеризующего образа процесса мышления Д-503, последовательного и равномерного, точного и безошибочно-логичного. Вторая метафора образно представляет пронзительность взгляда одного из героев романа S-4711, пронизательного и вездесущего (*буравчик* образовано от *бурав* «инструмент для сверления отверстий») [МАС, т. 1: 152]).

Итак, употребление терминов в их детерминологизованном значении становится необходимым для стилизаций писателя, создает глубокие оригинальные художественно-стилевые образы, которые, в свою очередь, выступают, как нам представляется, в коннотации фантастического. Именно неожиданное сочетание на первый взгляд несочитаемого – единиц гуманитарных и естественно-математических наук в объединяющем смысловом поле художественного произведения – становится научно-фантастическим и одновременно футурологическим допущением. Это еще раз доказывает огромные изобразительно-выразительные способности языка, которые могут быть объектом исследования не только лингвистических наук, но и литературоведения, семиотики, когнитологии, нейрофизиологии, психологии, других элементов общенаучной матрицы.

Язык, ловкий пользователь данных разных наук, является незаменимым бездонным кладезем знаний для общенаучных матриц в силу неразрывной связи языка и мышления. В этом – всепримиряющая роль языка. Роман Е.И. Замятина «Мы» – невероятно прозорливая иллюстрация этой истины.

### Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
- Евдощенко С.И.* Словарь химических терминов / С.И. Евдощенко, В.В. Дубичинский, В.В. Гайворонская ; под ред. В.В. Дубичинского. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 352 с.
- Замятин Е.И.* Мы : роман, рассказы, повесть / Евгений Замятин. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 365 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 685 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957-1960.
- Микиша А.М.* Толковый математический словарь. Основные термины / А.М. Микиша, В.Б. Орлов. – М. : Русский язык, 1989. – 244 с.
- Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э.



Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 400 с.

Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1984. – 944 с.

## **ЛЕКСЕМЫ *ДОБРО* И *ЗЛО* КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕКСТА РОМАНА В.Д. ДУДИНЦЕВА «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»**

*М.В. Петрова*

*Научный руководитель: Л.А. Сергеева,  
доктор филологических наук, профессор (БашГУ)*

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования лексем *добро* и *зло* в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды». Данные лексем являются ключевыми словами текста, так как они представляют собой элементы авторского тезауруса, по которым читатель сверяет свою область знаний с когнитивной картиной мира автора текста [Шехтман 2003: 38; Лукин 2005: 175], то есть помогают в понимании авторского замысла. Таким образом, они представляют соответствующие концепты культуры, и их смысловое содержание становится намного богаче словарных значений. Но их роль этим не ограничивается: общепризнанным является тот факт, что текст вторгается в сферу сознания читателя, воздействует на него, осуществляет изменения в его когнитивной базе, в его отношении к действительности, в системе его ценностей [Щирова 2004: 87]. Этические концепты, вербализованные ключевыми словами текста, являются важным средством такого воздействия.

Как отмечают философы, в принципе «общая нравственная позиция человека отождествляется с содержанием понятия добра, а наличие разных позиций у разных людей объясняется трудностями познания добра, ошибками и заблуждениями на этом пути» [Максимов 2000: 23]. Чтобы установить понятие добра, нужно выяснить, что именно человек считает добром. В первую очередь, в этом может помочь словарь: проанализировав словарные статьи лексем *добро* и *добрый*, а также работы Н.Д. Арутюновой об оценочных значениях, мы выяснили, что в русском языковом сознании существует несколько форм добра: гедонистическая, этическая, утилитарная и эстетическая. Ниже мы рассмотрим, какие когнитивные модели добра и зла представлены в романе В. Дудинцева.

Слово «добро» в романе всегда употребляется как оценочное, и «если два человека расходятся в том, является ли некоторый предмет N